

Пролог

В тесном помещении, освещаемом лишь чадящими свечами, было душно и жарко. При ближайшем рассмотрении свечи эти, толстые и оплывшие, оказались черными, словно расплавленные автомобильные покрышки. Воздух был спертый, как в какой-нибудь крошечной часовне с низким потолком. Плотной, удушающей дымкой он повис посередине комнаты, разделяя пространство на две части. В верхней, словно паря в эфире, плавало в дыму широкоскулое лицо с раскосыми глазами. Оно завораживало своей необычностью, какой-то потусторонней, дьявольской красотой, граничащей с уродством, — поражающий воображение диссонанс! Ослепительно-белая остроконечная шапка, отороченная мехом и усеянная сверкающими камнями, составляла разительный контраст с иссиня-черными волосами, на вид жесткими, будто проволока. Глаза колдуньи, густо подведенные и опушенные накладными ресницами, пылали, подобно уголькам в растопленной печи. Посетительнице, порядком напуганной еще до того, как она вошла, даже почудилось, что в них периодически вспыхивают красные искры. Поежившись (как она надеялась, незаметно), гостя, повинувшись жесту хозяйки помещения, опустилась на стул с высокой спинкой, покрытый оленьей шкурой. Собственно, она ориентировалась только по этой самой спинке,

так как сиденья не видела, а очертания ножек стула лишь смутно вырисовывались в сизой дымке.

— Фотку принесла? — скрипучим голосом поинтересовалась шаманка.

— Ч-что? — пролепетала женщина, пораженная тем, что невероятное существо вообще способно разговаривать. Суть вопроса ускользнула от нее, словно шаманка разговаривала на иностранном языке.

— По телефону тебе должны были сказать, чтобы ты принесла фотографию неверного мужа своей дочери, — проскрежетала та.

— А, да... конечно!

Клиентка дрожащей рукой извлекла из дамской сумочки снимок и протянула шаманке. Та, не глядя, перевернула его лицом вниз, положила сверху руку и прикрыла глаза. Как загипнотизированная, клиентка не могла отвести взгляда от этой белой руки с длинными, узловатыми пальцами и ногтями, покрытыми кроваво-красным лаком. Каждый палец украшали кольца, которые, даже на неискушенный взгляд посетительницы, выглядели дорого. Только по рукам и пальцам можно было определить, что хозяйка помещения — дама немолодая. Молчание длилось долго — казалось, целую вечность. Наконец шаманка встрепенулась и распахнула глаза. Эффект был невероятным: гостя отпрянула, чуть не свалившись со стула.

— Вижу, дочь твоя в опасности! — медленно проговорила колдунья. — Не зря ты беспокоишься, ох не зря!

Клиентка сжалась на сиденье, подобрав под себя ноги и комкая кожаный ремешок сумочки неосознанными движениями пальцев, которые, казалось, жили собственной жизнью. Ее мозг лихорадочно искал объяснения происходящему. Анна Валентиновна Корнелюк испытывала недоверие ко всякого рода эзотерическим услугам и втайне посмеивалась над знакомыми, посещавшими целителей и колдунов. Сюда ее заставили прийти крайняя нужда

и рекомендации ближайшей подруги, утверждавшей, что Джамалия — настоящая волшебница, а не какая-то там шарлатанка, вытягивающая у людей последние деньги и вешающая на уши лапшу и развесистую клюкву. Но даже переступив порог и сказав себе, что обратного пути нет, Анна Валентиновна продолжала спрашивать себя, не совершает ли она ошибку.

— Дочь твою Светланой звать, — сказала между тем колдунья. Это не был вопрос. — Красивая, но не слишком успешная... Работает в больнице... нет, в школе.

— Завучем по внеклассной работе, — пролепетала Корнелюк онемевшим языком: записываясь на прием, она не называла администратору род занятий дочки. Как, спрашивается, Джамалия узнала?

— Математику любит, — продолжала колдунья, водя рукой по поверхности обратной стороны снимка Светланы.

— Да, она ее преподает...

— Это ведь не первый ее брак, верно? Предыдущий продлился недолго, есть сын... нет, дочка.

Все, что говорила Джамалия, являлось истиной, и Корнелюк не могла оправиться от шока: неужели то, что о ней говорят, правда? Неужто эта женщина в странном головном уборе, с жутким взглядом и пальцами, похожими на когти драконихи, и в самом деле волшебница, которой ведомо прошлое и будущее?!

— Первый муж пил, — вешала Джамалия. — Бил, похоже... нет, один раз было. Светлана ушла. Правильное решение: нельзя нас, баб, трогать! Второй-то не лучше, а?

Корнелюк вздрогнула, услышав вопрос: она и сама все время думала об этом, но боялась вмешаться, так как дочь цеплялась за Павла как за соломинку, последний в жизни шанс не остаться одной.

— У него другая баба есть, — проскрипела Джамалия, довольная произведенным эффектом. — Тоже блондинка, как твоя дочь. Полная только, грудастая... Знаешь такую?

Анна Всеволодовна растерянно покачала головой. Да откуда ей знать-то, она ведь с зятем почти не общается.

— Мотоциклы любит Павел, — добавила колдунья, словно и не ожидала ответа. — И баба та — тоже... Уйдет он от дочки твоей, уже лыжи наострил!

— Да я сама понимаю, что наострил! — в отчаянии воскликнула клиентка. — Делать-то что?!

— Ничего тут не поделаешь, — вздохнула Джамалия. — Могу только...

— Что? — мгновенно воспрянула духом Корнелиук.

— На время могу его удержать. Блондинку свою сиськастую он бросит, но... Кобель ваш Павел, вот что я скажу! Не в этот раз, так в другой сбежит. Только встанет это тебе недешево!

— Ну, пусть хоть не в этот раз... А недешево — это сколько?

Он на мгновение прикрыл веки: в глазах рябило от мелькающих за стеклом деревьев и кустов, абсолютно голых в это время года. Кажется, недавно еще было лето, деревья стояли зеленые — и вдруг, как-то внезапно, они лишились своего жизнерадостного покрова, превратившись в печальное зрелище. «Словно провожающие, оставшиеся на перроне, — пришла в голову неожиданная мысль. — Другие уехали в теплые страны, а они чувствуют себя брошенными, вынужденные влачить жалкое, одинокое существование — по крайней мере, до следующей весны!»

Мономах с тоской подумал о том, что ему еще как минимум две недели ездить на электричке на работу. Пока машина в ремонте и работники автосервиса дожидаются необходимых деталей из-за границы, приходится мириться с неудобствами. И черт дернул Артема подарить отцу такую дорогую тачку! Можно, конечно, пользоваться маршруткой, но она идет круглым путем, да еще и по пробкам. Нет, уж лучше поездом!

Привыкнув передвигаться всюду на автомобиле, Мономах не задумывался, что множество людей вынуждены пользоваться пригородными электричками. В подавляющем большинстве это иностранные рабочие, проживающие в загородных бараках и едущие в Питер на стройки,

склады и рынки. Встречаются и студенты, и даже вполне уважаемые граждане, отчего-то предпочитающие именно этот вид общественного транспорта. Мономах к такому не относился.

Открыв глаза, он увидел, что напротив сидит молодая женщина. Она зябко куталась в толстую шерстяную кофту, почти полностью скрывающую фигуру. «Немного не по сезону, — подумалось Мономаху. — Холодно!» Симпатичное лицо без косметики, густые темно-каштановые волосы, карие глаза. Но взгляд Мономаха приковывало кое-что другое — желтоватые пятна на шее и щеке пассажирки, которые еще недавно, несомненно, были лиловыми. «Кто же наставил тебе таких синяков? — спросил он девушку про себя. — Жених или муж? А может, отец?» На безымянном пальце незнакомки отсутствовало кольцо, но это мало что значит: во-первых, не все его носят, а во-вторых, можно просто жить с женщиной, не расписываясь — сейчас это принято называть гражданским браком. Никому не приходит в голову, что гражданский брак на самом деле означает наличие штампа в паспорте, а не его отсутствие, в противоположность церковному браку, который такого штампа не предполагает вовсе. Пассажирка имела жалкий вид — со следами синяков на нежной коже и затравленным выражением на лице. Дверь в тамбур открылась, и девушка дернулась, обернувшись. Странная реакция на обычное действие, то и дело происходящее в вагоне! Пассажирка настороженным взглядом проводила мужчину, прошедшего по проходу на свое место — видимо, он выходил подышать. Чего она боится? Проклиная себя за то, что не может промолчать, Мономах наклонился вперед и спросил:

— Вам плохо?

Девушка вздрогнула, словно по ее телу пропустили электрический разряд. Ее глаза широко распахнулись и ошале-ло уставились на него.

— Я могу вам помочь? — снова задал вопрос Мономах.

На этот раз он удостоился ответа — девушка помотала головой, одновременно кусая губы, и выдавила:

— Я... в порядке.

Прозвучало неубедительно, но кто он, собственно, такой, чтобы лезть в душу незнакомому человеку? Тем не менее Мономах решил логически завершить «сеанс» чело-веколюбия. Он полез за пазуху, вытащил визитку и протянул незнакомке.

— Вот, возьмите, — сказал он. — Вдруг передумаете?

Пассажирка молча взяла картонный прямоугольник и пробежала глазами короткий текст.

Больше оба не произнесли ни слова. Ступив на платформу, Мономах постоял немного, провожая взглядом странную попутчицу. Ее походка была стремительной. Куда она идет? Или убегает?

Покачав головой, Мономах двинулся к зданию вокзала.

* * *

Алла разогнула спину и расправила плечи, думая о том, что обращение к диетологу было, пожалуй, одним из мудрейших решений, которые она приняла за всю свою тридцатишестилетнюю жизнь. Еще два месяца назад она чувствовала бы себя разбитой, проскакав по подлеску в сопровождении полицейских в форме, а потом долгое время стоя на краю неглубокой ямы, в которой лежало тело убитой женщины. Алла ждала, пока труп, случайно обнаруженный подвыпившей влюбленной парочкой, осматривала судмедэксперт. Она успела опросить насмерть перепуганных любовников, протрезвевших и с ужасом ожидающих ее заверений, что их маленькая шалость останется тайной, ведь оба имеют законных супругов. Алла охотно пообещала, что не выдаст их, если они будут откровенны. Она не рассчитывала получить сведения, способные установить обстоятельства происшедшего, но в таких делах важна каждая мелочь. Если передать содержание допроса в двух словах, парочка

решила уединиться в подлеске, оставив машину у обочины шоссе. Они искали укромное местечко для пикника, когда женщина едва не угодила в прикрытую ветками и жухлой травой яму, где и находилось тело. Влюбленные долго спорили, стоит ли вызывать полицию, но многие видели их на заправке неподалеку, а с шоссе отлично просматривается тропинка, по которой они ушли. Рано или поздно тело нашли бы, а они стали бы подозреваемыми. Однако Алла предполагала, что дело обстоит несколько иначе. Парочка решила сбежать, но на выходе из подлеска натолкнулась на сотрудников ГИБДД у оставленной машины. Деваться было некуда.

— Я закончила, — сказала крошечная женщина, выбираясь из ямы при помощи оперативного сотрудника. — Это, несомненно, убийство.

Анна Яковлевна Сурдина слыла одним из самых опытных и уважаемых в своей сфере специалистов, и любой прокурор мечтал о том, чтобы заполучить ее в качестве эксперта. В свои пятьдесят с гаком со спины она производила обманчивое впечатление шестиклассницы. Морщинистое личико, напоминающее обезьянью мордочку, обрамляли вьющиеся волосы, а темные блестящие глаза весело глядели из глубоких глазниц — казалось, Анна Яковлевна всегда пребывает в отличном настроении и ничто на свете не может заставить ее расстроиться или выйти из себя. Алла знала, что Сурдина одна вырастила двоих сыновей (что определенно было нелегко!), и уважала ее за неизменную жизнерадостность и за то, что судмедэксперт никогда не позволяла себе жаловаться на судьбу. А еще потому, что не делала скоропалительных выводов: Сурдина говорила лишь то, в чем была абсолютно уверена. И она произнесла «волшебное» слово — убийство.

— Причина смерти? — выпалила Алла и тут же поймала укоризненный взгляд собеседницы.

— Аллочка Гурьевна, вы же в курсе, что я...

— Да-да, простите, Анна Яковлевна, — тут же исправи-
лась Алла. — Ну, хоть намекните, что ли?

— Труп не свежий, сами понимаете...

— Не огнестрел, не ножевое?

— Петехиальные кровоизлияния, след от удавки на
шее — все указывает на удушение. Остальное скажу позд-
нее.

— Можете хотя бы сказать, не беременна ли жертва?

— Это важно?

— Возможно.

— Я вот понять не могу, с чего вас-то дернули? СКР
обычными убийствами вроде не занимается?

— Вы в курсе, что за последний месяц в городе уже три
убийства молодых женщин произошло? Эта — четвертая.

— Вы меня простите, Алла Гурьевна, но нашего бра-
та — вернее, сестру — убивают ежедневно. По пьяни, из
ревности, ради денег, да и просто так, чего уж греха таить!
Что заставляет вас думать, что это серия?

— Вы правы, Анна Яковлевна, пока рано говорить, —
согласилась Алла. — Но те три убийства решено объеди-
нить в одно дело. Их связывает беременность.

— Ого! — присвистнула Сурдина. — Так вот почему вы
спрашивали! Но я все равно не могу ничего сказать прямо
сейчас, понимаете? Возможно, к вечеру.

Оказавшись в машине оперативно-следственной брига-
ды, Алла закрыла дверцу и вытащила из сумки пластиковый
контейнер с варенной на пару брокколи, кусочком куриной
грудки и парой помидоров черри. Диетолог Евгения Добрая
строго-настрого наказывала не пропускать приемы пищи,
и Алла, куда бы ни заносила ее работа, старалась выполнять
указание. Есть надо не реже пяти раз в сутки, ее рацион
диетолог расписала досконально. Поначалу Алле казалось,
что так питаться невозможно, но спустя несколько недель
она поняла, что не все так ужасно. Пришлось забыть о пи-
рогах и плюшках, перейти на нежирное мясо и заменить

макароны овощами, зато Алла начала есть рыбу, о существовании которой почти забыла за два года пищевой распушенности, как называла ее расстройство диетолог.

Дверь резко отъехала в сторону, и Алла едва не подавилась куском курицы.

— Приятного аппетита! — сказал Антон Шеин, старший оперуполномоченный бригады, плюхаясь на сиденье. Алла не стеснялась коллег: они в курсе ее ситуации и относятся с пониманием. И даже, сказала бы Алла, со снисхождением и сочувствием: бедная женщина пытается сбросить вес, поэтому ее необходимо поддержать и пожалеть!

— Вкусно пахнет! — добавил Антон. Он кривил душой: при одном взгляде на брокколи и куриную грудку его охватила неизбывная тоска по хорошему бифштексу с жареной картошкой, обильно политой кетчупом. Но он, Антон, настоящий товарищ, поэтому не станет рассказывать об этом тому, кто вынужден питаться «подножным кормом»!

— Тело увезли? — спросила Алла, закрывая крышку контейнера.

— Да. Можем ехать!

— Вот и ладненько.

— Алла Гурьевна, вы считаете, мы имеем дело с маньяком?

— Кто говорит о маньяке? — встрепелась Алла. — Серия — еще не значит маньяк, вам ли не знать! Одна из женщин умерла от потери крови, что может указывать на непрофессионально сделанный аборт. Еще одна также прошла через эту процедуру, однако не она стала причиной смерти. Третья погибла в результате падения с высоты собственного роста и удара об угол какой-то мебели — скорее всего, стола. Всех троих связывает беременность, но я не торопилась бы с выводами: Питер — чертовски большой город, и в нем полно изуверов, способных на самые жуткие преступления! Только дочь телеведущей и Гуревич умерли недалеко друг от друга, но это может быть простым совпа-

дением. С другой стороны, данный факт может оказаться зацепкой.

— Если кто-то промышляет нелегальными абортами, то жертвы должны быть связаны территориально. Одна женская консультация, одна клиника, так?

— Не обязательно, — возразила Алла. — Во-первых, как вы сами сказали, аборт, скорее всего, были сделаны нелегально. Кто, спрашивается, в таких случаях действует через официальную женскую консультацию?

— Но они хотя бы жить должны поблизости!

— Не факт. Как женщина, говорю вам, что, возникни такая необходимость, я попыталась бы найти клинику подальше от места, где живу. Сами подумайте: женщина по какой-то причине не может позволить себе родить. К примеру, она слишком молода, живет с родителями и боится признаться...

— Как вторая жертва, — кивнул Антон. — Ей всего шестнадцать — девчонка!

— Или, скажем, она замужем, а беременна от любовника. Или уже имеет детей, которых с трудом в состоянии прокормить. У женщин есть друзья, знакомые, родственники, а значит, существует шанс, что кто-то их увидит. Этого нельзя допустить, поэтому территориальный признак не срабатывает. К тому же не забывайте, что только двое подверглись аборту.

— И что же делать?

— Ждать вскрытия и отчета судмедэксперта. А еще выяснять подноготную погибших. Пока дела не объединили в одно, они расследовались ни шатко ни валко, но теперь все иначе. Узнайте все о жертвах, опросите родственников, найдите возможных отцов нерожденных детей... Что-то же должно у них быть общее?

Шеин ничего не ответил, а про себя подумал, что СК не имел бы к случившемуся отношения, не окажись одна из жертв дочкой телезвезды. Она ведет рейтинговое полити-

ческое шоу по государственному каналу и имеет большие связи. Так и вышло, что тут тебе и серия, и руководитель Первого следственного отдела Первого управления по расследованию особо важных дел Суркова. И он, Антон Шеин, со своей бригадой.

* * *

Мономах открыл дверь кабинета и с облегчением приземлился в свое старое, но такое удобное кресло. Рабочий день окончен, и он может с чистой совестью отправляться домой, к преданно ожидающему его возвращения Жуку. Проверив телефон, он увидел девять пропущенных звонков и сообщение от Гурнова, зава патологоанатомическим отделением. Что за срочность заставила Ивана названивать столько раз? Мономах уже намеревался открыть сообщение, когда раздался стук в дверь. За годы работы заведующим отделением он научился определять визитеров по тому, как они стучат. Пациенты в большинстве своем делали это тихо и нерешительно. Родственники пациентов — требовательно и настойчиво. Коллеги — по-деловому, коротко и громко. Сейчас Мономах не смог определить, к какой категории относится человек по другую сторону двери. Возможно, дело в усталости?

— Войдите! — крикнул он.

Дверь отворилась, и на пороге возник незнакомый мужчина. Родственник пациента? Хотя вряд ли — уж слишком официально одет.

— Владимир Всеволодович Князев? — уточнил незнакомец. А кого он ожидал увидеть за столом личного кабинета зава ТОН, специализированного травматолого-ортопедическо-нейрохирургического отделения?

— Это я, — ответил Мономах. — А вы?

— Олег Витальевич Мартынюк, старший оперуполномоченный Выборгского РУВД, — представился вновь прибывший.

— Что-то я не понимаю...

— Это ваша визитка, Владимир Всеволодович? — Вместо объяснения Мартынюк протянул ему белый прямоугольник.

— Ну да, моя — там так и написано, — подтвердил Мономах.

— Верно. Только там не написано, как ваша карточка оказалась у жертвы преступления.

— Преступ... погодите, кого убили?

— С чего вы взяли, что убили?

— Вы же сказали: «жертвы»!

— Понятно, — поджав губы, кивнул Мартынюк. Несмотря на то что Мономах не ощущал за собой вины, он почувствовал, что во рту внезапно пересохло. Почему в присутствии представителя органов рядовые граждане теряются и начинают вспоминать грехи, большие и малые, которые могли привести к неожиданному визиту? Будто бы чувство вины изначально заложено в человеке и тихонько дремлет в глубине организма в ожидании как раз такого момента!

— Простите, что вам понятно? — поинтересовался Мономах.

— Кем вам приходится Яна Романовна Четыркина? — вновь оставив вопрос без ответа, спросил Мартынюк.

— Кто?

— Так зовут жертву.

— Впервые слышу это имя. Она пациентка?

— Вам лучше знать.

— Знаете что, господин... старший оперуполномоченный, — Мономах уже забыл имя-отчество незваного гостя, — я попрошу вас выразаться яснее. Какое отношение эта ваша Четыркина имеет ко мне? Если она пациентка, то не моя, иначе я бы знал. Кого-то из моих врачей? Если так, то из вновь поступивших, иначе, опять же, я бы...

— Я присяду, не возражаете?

Не дожидаясь согласия, Мартынюк устроился на диване напротив стола Мономаха, закинув ногу на ногу. При этом стали видны его носки канареечного цвета, абсолютно не подходящие к деловому костюму.

— Владимир Всеволодович, я вам не враг, — продолжил он, в упор глядя на визави. — Но, вы же понимаете, я должен убедиться...

— В чем? — перебил Мономах. — Не я ли убийца?

— Совершенно верно.

— Не хотите рассказать, что случилось?

— Сначала еще один вопрос: вы действительно не знали, что Четыркина поступила в вашу больницу по «Скорой»?

— Да я же говорю, что не знаю, о ком вы!

— Вот ее фотография, — на стол легла ксерокопия черно-белого снимка — скорее всего, из паспорта. Несмотря на плохое качество печати, Мономах тут же узнал лицо, так как видел его совсем недавно.

— Побой? — помимо воли вырвалось у Мономаха.

— Побой? — опер даже привстал. — Почему вы так сказали? Вы же только что утверждали, что знать не знаете жертву!

— Да не знал я ее...

— Не знали, но опознали по фотографии?

— Я видел ее всего однажды. Тогда и визитку дал.

— Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились?

— Не то чтобы познакомились, — поморщился Мономах и рассказал о недавней встрече в электричке. Повествование заняло пару минут — собственно, и рассказывать-то было нечего. Когда он закончил, Мартынюк некоторое время сосредоточенно жевал нижнюю губу, обдумывая услышанное.

— Значит, вы дали ей визитку, — попыток он наконец. — Почему вы это сделали?

— Я же сказал — девушка выглядела несчастной и напуганной.

— А вы у нас, выходит, защитник обездоленных? — Фраза звучала издевательски, и Мономах начал закипать.

У него выдался на редкость утомительный день, он устал и мечтал поскорее оказаться дома. А этот Мартынюк имел наглость задавать дурацкие вопросы, всем своим видом демонстрируя недоверие к каждому его слову! Но прежде чем Мономах успел вспылить, опер, видимо, почувствовал, что зашел слишком далеко, и переформулировал предыдущий вопрос:

— Владимир Всеволодович, что заставило вас решить, что девушка в поезде нуждалась в помощи?

— Я заметил синяки у нее на шее, — ответил Мономах, вспоминая свои тогдашние ощущения. — Она прикрывала их, но я все равно увидел.

— Считаете, это говорит о домашнем насилии?

— Вполне вероятно, но утверждать не могу, это всего лишь предположение. Девушка вела себя странно, при каждом звуке вздрагивала и оборачивалась.

— Как вы смогли бы ей помочь? Раз дали визитку, значит, что-то было у вас на уме?

— В больнице работает психолог, хороший специалист. К нам порой поступают пациентки в тяжелой жизненной ситуации, и она оказывает поддержку. Я подумал... Но вы так и не сообщили, что случилось с девушкой?

— Она попала под машину.

— Но вы же сказали...

— Четыркину доставили в вашу больницу, в травматологическое отделение. Ее пытались спасти, но, как сказал хирург, травмы оказались несовместимы с жизнью. Свидетели утверждают, что девушка не сама бросилась под автомобиль — ее толкнули.

— Кто?

— Парень в толстовке с капюшоном, по словам очевидцев. А случилось все у вашей больницы вчера вечером. Теперь понимаете, почему меня заинтересовала ваша карточка, найденная в вещах Четыркиной? Она приходила к вам.

- Ко мне?!
- Доктор, а что вас так удивляет, вы же сами дали ей визитку! О чем вы говорили?
- Да не говорили мы, я ее не видел!
- А вот работники больницы утверждают, что она получила временный пропуск, чтобы пройти в ваше отделение.
- Неужели? — Мономах растерялся. — Но я... мы не встретились! Во сколько это было?
- Если верить журналу выдачи временных пропусков, в шесть тридцать.
- К этому времени я уже ушел. Это можно проверить.
- Непременно. Значит, говорите, Четыркина приходила, но вас не застала?
- Я не так говорил. Я сказал...
- Да помню, помню! Ладно, доктор, на сегодня мы закончили. До встречи. Кстати, на тот случай, если вы не в курсе: жертва была беременна.

* * *

- Я же звонил тебе и даже писал, предупредить пытался! — с укоризной качал головой Гурнов, провожая Мономаха в трупохранилище.
- Ну извини, я на операции был! — огрызнулся тот. — Значит, Мартынюк с тобой разговаривал?
- Ничего путного я ему сказать не смог: вскрытие как вскрытие... ну, за исключением плода, разумеется.
- Почему не удалось спасти?
- На третьем-то месяце?
- А сама от чего умерла?
- Видишь, как бывает: хоть и произошло все у самой больницы, хоть и помощь вовремя оказали, а вот поди ж ты... — Гурнов махнул рукой, словно сердясь на кого-то. — Шансов у девчонки немного было: позвоночник на честном слове держался, множественные переломы конечностей...
- Что известно о водителе?

— Шутишь? Он рванул оттуда, как будто за ним черти гнались!

— Оставил девочку помирать?

Гурнов развел длинными, словно крылья цапли, руками. Он и сам здорово походил на птицу — высокий, костлявый, узколицый, с крупным тонким носом и близко посаженными глазами.

Взгляд Мономаха еще раз скользнул по телу незнакомки. Нет, уже не незнакомки: он знал, что ее зовут Яна. Наверняка где-то живут ее родственники — почему они не помогли, если она попала в беду?

— Какие вещи при ней были? — спросил он патолога. — Телефон?

— Опер тоже спрашивал, — кивнул Гурнов. — Не было телефона. Он мог выпасть из сумки на тротуар, а там кто-нибудь ему ноги приделал — народ попадается вороватый! Сумочку Мартынюк забрал. А вот это — нет, — и он, подойдя к шкафу, вытащил пластиковый пакет. Внутри оказались какие-то бумажки.

— Что это?

— Счета. За квартиру и за электроэнергию, кажется.

— Почему Мартынюк их не взял?

— Наверное, потому, что они не в сумке были, а в заднем кармане джинсов. Одежду он не затребовал.

— А как же экспертизы там всякие?

— Так а че тут «экспертировать»-то? — развел руками Гурнов. — Причина смерти очевидна!

— Опер сказал, там свидетели были, — вспомнил Мономах. — Может, кто-то номер машины запомнил?

— Может, и так, только водитель, если подумать, не так и виноват. Мартынюк сказал тебе, что девочку толкнули под транспорт?

— Сказал... По-видимому, псих? Помнишь, в метро такой промышлял одно время, людей с перрона сталкивал под поезда?

Гурнов только плечами пожал.

— Мне показалось, Мартынюк меня подозревает, — продолжал Мономах.

— А как же! Им нужен виноватый, а ты — удобная кандидатура! Только вот кроме твоей визитки вас с жертвой ничто не связывает. Или я чего-то не знаю?

— Я все рассказал — и тебе, и Мартынюку. Я понятия не имел, что она пыталась со мной встретиться!

— Чудны дела твои, господи! — снова всплеснул длинными руками патолог. — Вот не встретил бы ты девчонку в электричке, не оставил бы ей визитку — и не пришел бы к тебе Мартынюк.

— Скажи еще, что и она бы жива осталась!

— Ты не виноват, но, не предложи ты ей помощь, она бы сюда не пришла, верно? А значит, могла бы избежать такой нелепой смерти!

— Или эта самая смерть нашла бы ее в другом месте. Что, если ее и в самом деле кто-то преследовал?

— О, теория заговора! — обрадовался Гурнов, зато Мономах напрягся: он невольно направил мысли приятеля в обожаемое им русло.

— Окстись, Иван, какой заговор! Скорее всего, девушку нашел ее собственный муж. Или сожитель.

— И сразу убивать? — возразил патологоанатом. — Да еще на глазах у десятков людей?

— А если предположить, что он ее не толкал?

— Как это?

— К примеру, хотел догнать, а она шуганулась — и в сторону. А там машина?

— Что ж, такое возможно, — неохотно согласился Гурнов.

Лицо погибшей выглядело спокойным — не то что тогда, в вагоне. На бледной коже явственно обозначились следы свежих синяков.

— Последствия аварии, — пояснил патолог, заметив, на что смотрит Мономах. — А вот эти — старые, — он провел

тонким, узловатым пальцем по шее покойницы. — Я обнаружил на теле кучу подобных следов!

— Домашнее насилие?

— Синяки различной степени заживляемости — значит, появлялись в разное время. Бедная девка!

— Ну да, а зачем терпеть-то? — возразил Мономах. — Один раз ударили — беги!

— А если некуда? — предположил Гурнов. — И потом, куда ж ей, беременной?

— Знаешь, беременными за один день не становятся! Жила же она с этим извергом...

— Ты кого сейчас убеждаешь? Никто тебя за язык не тянул помощь предлагать!

— Точно, — вздохнул Мономах. — Не делай добра, не получишь зла!

— Во-во! — согласно закивал патолог. — Дернем по маленькой? За упокой невинной души? Ты же не за рулем, так?

* * *

— Почему я должен отдать дело?

Голос следователя звучал по-детски обиженно, словно у него отнимали конфету или любимую игрушку. Алла не желала ссориться — не плюй в колодец, как говорится, вдруг ей еще придется обратиться к этому Кравцу? Поэтому она попыталась объяснить.

— Видите ли, Алексей Дмитриевич, ваше дело может оказаться связанным с нашим.

— Может? То есть вы не уверены?

— В течение нескольких недель в городе убиты несколько женщин. Все были беременны.

— Вы говорите о маньяке?

— Не обязательно. Убийства совершены различными способами, и в одном случае смерть наступила от кровотечения, так что...

— Так что вообще не ясно, имело ли место убийство?

— Послушайте, — начала терять терпение Алла, — я могла организовать звонок вашему начальству, и вы отдали бы дело, не задавая вопросов, получив прямой приказ! Однако я хотела действовать честно, потому что вы — мой коллега и я не желала ставить вас в неловкое положение!

— Надо же, — хмыкнул Кравец, — обычно вы, комитетские, не слишком-то печетесь о приличиях!

— Так мне поступить так, как вы от меня ожидаете, или попробуем по-человечески?

Некоторое время Кравец молчал. По его лицу Алла видела, что внутри у него идет борьба. С одной стороны, всякий следак только рад передать дело другому, но тут существовало два «но». Первое: каждый человек, работающий в районных участках, кровно ненавидит людей из Комитета, у которых априори больше полномочий и, как следствие, раздутое эго и презрение к тем, кто не имеет комитетского прикрытия. Второе: если Четыркина окажется жертвой маньяка, то, расследовав дело, Кравец может заслужить очередную звездочку на погонах. Алле думалось, что второе «но» перевешивает: Кравец с первого взгляда показался ей скорее карьеристом, нежели борцом с всеобщей несправедливостью. Она предполагала, что следователь примет правильное решение, не станет вступать в конфронтацию с более сильным противником, и именно по этой причине Алла не мешала его внутренней баталии. Наконец он заговорил:

— Вам надо поговорить с Олегом Мартынюком.

— Ему удалось что-то узнать?

— Не просто «что-то». У нас есть подозреваемый!

— Да ну? — встрепелась Алла. — Это же великолепно!

Кто он?

— Некий Князев, доктор. Он знал девушку, хотя и отрицает этот факт. Подозрительно, не находите?

— Простите, вы сказали — Князев? — Алла едва не поперхнулась. — А в какой больнице...

— Во Второй городской. А что такое?

— Н-нет, ничего... — Вот уж чье имя она не ожидала услышать! — А что заставляет вас считать этого человека подозреваемым?

— У жертвы обнаружена его визитная карточка.

— Ну знаете, если мы начнем записывать в преступники всех врачей, которые раздают карточки пациентам...

— Четыркина не являлась его пациенткой, и я еще не закончил! Девушка приходила к Князеву накануне гибели. Он утверждает, что она его не застала.

— Может, правда?

— Может. Только вот наш доктор отрицает, что знал погибшую!

— Но что, если он не врет? К примеру, девушка заполучила карточку не лично от него, а взяла у кого-то?

— Исключено: Князев признался, что сам дал ей визитку.

— Вы же сказали, он отрицает факт знакомства?

— Не знакомства, а того, что знал Четыркину.

— Что-то я потеряла нить!

— Князев признает, что встречал жертву, но всего один раз, в поезде. По его словам, она выглядела напуганной и еще, кажется, он заметил следы синяков на ее коже. Он дал ей визитку и предложил обращаться, если возникнет необходимость. Видите ли, он проникся сочувствием к незнакомке и решил оказать поддержку! Странно, да?

Вовсе нет, подумала Алла. Все, что она знала о Владимире Всеволодовиче Князеве по прозвищу Мономах, которое он получил благодаря имени-отчеству и фамилии, говорило в пользу ошибочности мнения Кравца: Князев мог пытаться помочь незнакомке, это вполне в его характере. Алла столкнулась с ним во время расследования убийства адвоката Гальперина, оказавшегося впоследствии

изошренно обставленным самоубийством¹. Первое, что доктор сделал при их знакомстве, — измерил Алле давление, почувствовав, что подъем по лестнице дался ей тяжело. Тогда Алла весила на семь килограммов — и четыреста граммов! — больше, чем сейчас, и она до сих пор боялась признаться себе, что именно слова Князева заставили ее всерьез задуматься о диете.

Он здорово помог ей с делом, но и помешал тоже, отпустив подозреваемую. Женщину, убившую несколько человек. Скорее всего, она была психически нездорова и верила в то, что действует из милосердия. И все же Алла до сих пор хранила обиду на врача, хоть и понимала мотивы его нежелания отдавать преступницу в руки правоохранительной системы. Но одно она знала почти наверняка: Князев не убийца.

— Между прочим, у него отсутствует алиби на момент убийства, — добавил между тем Кравец. — Он утверждает, что ко времени визита Четыркиной покинул рабочее место, но охранник затруднился подтвердить.

— Вы сказали, Князев познакомился с жертвой в поезде, — перебила Алла. — У него, наверное, есть личный автомобиль? — Она точно знала, что есть, но не собиралась говорить Кравцу, что знакома с подозреваемым.

— Его тачка в ремонте. Он так сказал, но это еще предстоит проверить.

— А как насчет обратного билета? Если Князев и обратно возвращался на поезде...

— Тоже проверим. Но согласитесь, то, что он отрицает близкое знакомство с Четыркиной, подозрительно?

— А почему именно близкое знакомство? — удивилась Алла. — Пока что я не вижу нестыковок в его показаниях.

— Хотите расскажу, как мне видится все это дело? — спросил Кравец.

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются».

— С удовольствием послушаю.

— У Князева с Четыркиной был романчик. Несерьезный — так, время провести. Он ее поколачивал... или один раз поколотил, когда Четыркина кинула ему предьяву с беременностью.

— То есть вы полагаете, отец ребенка — Князев? — уточнила Алла, надеясь, что ее лицо не выдает того, насколько абсурдным выглядит предположение.

— А какая разница?

— Такая, что тест ДНК снимет все сомнения!

— Но она могла и лгать, так? — не сдавался следователь.

— В смысле, пыталась подсунуть доктору чужого отпрыска?

— Почему нет? Четыркина — неблагополучная девица, судьба свела ее с человеком совершенно иного уровня, вот она и вцепилась в него обеими руками в надежде что-нибудь поиметь!

— Откуда вы взяли, что она неблагополучная?

— Четыркина снимала комнату у хозяйки, вот что мы выяснили. Опера комнату осмотрели. Жила бедно, нигде не работала.

— А на что жила, как за жильё платила?

— Может, Князев подбрасывал деньги?

— А хозяйка видела его в квартире?

— Нет, — насупился Кравец. — Она говорит, вообще мужчин не было... Но это ничего не значит — может, он светиться не хотел?

— Следуя вашей версии, Князев ребенка не хотел и потому толкнул Четыркину под машину. Кстати, вы пока не доказали, что это было сделано преднамеренно!

— Есть свидетели.

— Им могло показаться. Скажем, мужчина в капюшоне бежал не разбирая дороги и случайно задел жертву. Она не устояла на ногах, оступилась и упала. Между прочим, как вам удалось отыскать свидетелей за столь короткий срок?

— Врачи «Скорой» рассказали.

— Получается, вы основываете свои предположения на показаниях, сделанных с чужих слов?

— Да найдем мы свидетелей, найдем! По Пятому каналу прошли сообщения с просьбой позвонить в студию тех, кто стал очевидцем происшествия.

— Но вы уже мысленно осудили врача лишь на том основании, что он вручил свою визитку незнакомой девушке из желания помочь?

— Осуждает у нас суд, Алла...

— Гурьевна, — услужливо подсказала она, прекрасно понимая, что Кравец запомнил ее редкое отчество и просто пытался сделать их общение менее официозным или, что гораздо хуже, старался унижить ее, отыграться за комитетские корочки.

— Так вот, Алла Гурьевна, я никого не пытаюсь подставлять. Мне, как и вам, важна правда!

— Что ж, надеюсь, так и есть, — пробормотала она себе под нос, но достаточно громко, чтобы следак ее услышал. — Могу я теперь поболтать с оперативником, который допрашивал Князева?

* * *

Нажимая на звонок, Мономах не переставая твердил про себя, что совершает ошибку. Ну кто просит его это делать? Полиция разберется! Но какое-то шестое чувство мешало Мономаху поверить в то, что Мартынюк будет слишком стараться. А вдруг опер и впрямь решил сделать из него главного подозреваемого? Он, разумеется, ничего не решает, все будет зависеть от следователя по делу, но мнение оперативника внесет свою лепту как пить дать! А в том, какое мнение Мартынюк составил о нем, Мономах не сомневался ни секунды: будь опер судьей, его уже везли бы в ИВС.

Мономах решил навеститься в съемную квартиру Яны Четыркиной не только в надежде снять с себя подозрение.

Он ощущал ответственность, как будто какое-то его действие, предпринятое вовремя, могло все изменить и девушка осталась бы жива. Отчасти на эту мысль его натолкнул разговор с Гурновым. Приятель не пытался вызвать в нем угрызения совести — наоборот, надеялся облегчить бремя, но его попытки возымели обратный эффект. Мономах мучил вопрос: зачем Яна приходила в больницу? Она получила временный пропуск в его отделение. Администраторша, видимо, не заметила, что он уже ушел, потому и выписала его. Если бы они встретились, что бы это изменило? Узнай Иван о том, что сейчас творит Мономах, схватился бы за голову!

— Так это вы мне звонили? — уточнила хозяйка, проводя его в квартиру. — Вы — друг Яны?

— Да... знакомый, — не слишком уверенно подтвердил он.

— Это хорошо.

— Почему?

— У меня создалось впечатление, что у бедной девочки никого нет — по крайней мере, здесь. Полицейский, который со мной беседовал, спрашивал, не знаю ли я кого-то из знакомых Яны, но я ничего не смогла сообщить. Наверное, вам стоит встретиться с этим полицейским? У меня записаны его данные...

— Я с ним разговаривал, — перебил женщину Мономах.

— Тогда зачем вы пришли?

— Вы же понимаете, что в полиции мне ничего не расскажут?

— Ах, ну да, конечно. Что вы хотели узнать?

— Кажется, у Яны были проблемы, — осторожно начал он.

— Неужели? — нахмурилась женщина. — Я мало что о ней знала, ведь мы общались только во время передачи денег за квартиру.

— Как давно вы сдавали ей квартиру?

— Меньше месяца. Я понятия не имела, что Яна беременна, ничего не было видно!

- Это имело значение?
- Честно говоря, я отказала бы ей, если б знала.
- Почему?
- Во-первых, не хотела жалоб от соседей по лестничной клетке. Мне с ними не повезло, кляузники жуткие! Маленький ребенок — это шум и неудобства, крики по ночам, понимаете? Да и сдавать я хотела только одинокому человеку, без семьи, чтобы квартиру не «убили», а девушка беременна, значит, может появиться бойфренд, жених, муж...
- А сдачей занимался риелтор?
- Нет, — покачала головой хозяйка, — я разместила объявление в Интернете. Вот вам и еще одна причина не нервировать соседей: они могут создать кучу неприятностей, зная, что все неофициально... Вы ведь никому не расскажете?
- Я не из полиции.
- А тот полицейский меня об этом и не спрашивал! Зачем вам такая информация?
- Я подумал, что риелтор мог бы помочь получить дополнительные сведения.
- А насколько близко вы были знакомы с Яной? — поинтересовалась квартирная хозяйка.
- Не очень близко, — признался он. — Она обратилась ко мне за помощью, но я не смог... вернее, не успел ей помочь.
- Понятно. Знаете, я никогда не задумываюсь над тем, какую жизнь ведут мои жильцы — главное, чтоб соседи были довольны. Да и с какой стати мне лезть в их дела?
- Я понимаю, — кивнул Мономах. — Но не замечали ли вы чего-то странного?
- Странного? — снова нахмурилась хозяйка. — Что вы имеете в виду?
- Не была ли Яна... ну, расстроена, что ли, или напугана?

— Напугана? Да нет, честно признаться...

— И синяков не видели?

Внезапно женщина встрепенулась.

— Были синяки! — воскликнула она. — Вернее, один, но большой — на скуле. Я спросила, что случилось, но Яна объяснила, что в темноте напоролась на косяк. Я расспрашивать не стала, неудобно как-то — ну, выпила девчонка лишку, с кем не бывает! А вы думаете...

— Мне просто показалось, что у Яны неприятности и что эти неприятности связаны с насилием. Думал, может, ее парень постарался?

— Какой ужас! Но я уже сказала вам, что ни разу не видела Яну с мужчиной, она всегда находилась дома одна, когда я заходила. Да и следов мужского присутствия я не замечала, и соседи ничего не... Господи, неужели кто-то ее избивал?!

— Скажите, тот полицейский, который приходил к вам насчет Яны, осматривал квартиру?

— Минут пять — чего там смотреть-то? Спросил про родственников, про знакомых — и все. Правда, забрал ее записную книжку и документы, они в комод лежали.

— А личные вещи?

— У Яны было мало вещей. У меня сложилось впечатление, что она не планировала долго оставаться.

— Почему?

— Ну, знаете, девушки любят покупать кухонные принадлежности, какие-то фенечки, одежду. У Яны в шкафу я обнаружила пару-тройку свитеров и юбок, да еще кое-что в комод — и все. Кстати, кому я могу все это отдать?

— Наверное, у Яны есть родные, — предположил Мономах. — Мне о них не известно, но, если узнаю, сообщу вам.

— Хорошо, — согласилась Полина Геннадьевна. — На самом деле, сумку с ее вещами я собрала, так что она про-

сто будет ждать того, кто за ней придет... Погодите! — внезапно спохватилась женщина. — Не знаю, имеет ли это значение, но, когда я тут прибиралась, уже после визита полиции, нашла под комодом одну штуку. Я сейчас!

Хозяйка исчезла за дверью, но вскоре снова появилась.

— Вот, — сказала она, протягивая Мономаху маленький картонный прямоугольник. — Наверное, надо было полицейскому отдать!

— Почему вы этого не сделали?

— Он мне не понравился. Такой нудный, самоуверенный малый. Довольно грубый, кстати! Не хотелось вновь с ним встречаться. Может, вам пригодится?

Мономах повертел в руках визитку. «Дочки-матери» — что это, организация помощи беременным женщинам? Он поблагодарил хозяйку квартиры и распрощался.

* * *

— Итак, что нам известно? — спросила Алла, расположившись на фоне белой доски, точной копии той, что имела у нее дома. На этой доске она записывала информацию, относящуюся к делу. Это удобно: всегда можно стереть недостоверное или утратившее актуальность и добавить новые факты.

— На данный момент, — начал Антон Шеин, — у нас на руках пять трупов. Крайний возник, как говорится, в последний момент.

— Мы разрабатываем версию о маньяке? — уточнил Дамир Ахметов. — Просто одна — задушена, другая попала под машину, третья умерла от травмы головы...

— Антонина Гуревич, которую нашли утром на скамейке в парке, потеряла почти четыре литра крови и умерла, не получив вовремя помощи, — добавила Алла. — А Юлия Иродова, дочка телеведущей, которую обнаружили в подъезде, погибла от черепно-мозговой травмы.

— Упала с лестницы? — предположил Дамир.

— Нет, речь не идет о падении. Ее ударили головой о ступеньки, несколько раз. Я только сегодня получила окончательное заключение патолога, а потому не успела довести до вашего сведения.

— Все девушки умерли по-разному, — сказал Шеин. — Что же их связывает — только беременность?

— А вам мало? — удивилась Алла.

— Две — жертвы криминального аборта, а номер пять — вообще под колеса угодила! Может, несчастный случай?

— Свидетели утверждают, что девушку толкнули намеренно.

— Да ладно, — махнул рукой Антон, — могло и показаться!

— Точно, — поддакнул Дамир. — Когда такое происходит на твоих глазах, еще и не то примерещится!

— То есть забудем о том, что Юлия Иродова, помимо колоссальной потери крови, вызванной неудачно проведенной операцией, получила трещину в черепе, возникшую не в результате падения?

— А вы, значит, Алла Гурьевна, считаете, что какой-то псих убивает беременных? — спросил Саня. Он ни разу не участвовал в деле о маньяках, но всегда мечтал поймать какого-нибудь такого изверга.

— Может, и псих, — задумчиво ответила Алла. — Но вряд ли.

— Почему?

— Маньяки редко пользуются разными средствами, убивая своих жертв.

— А если он начинающий? — подкинул идейку Дамир. — Проба пера, так сказать?

— Не исключено, — согласилась Алла. — Ни одна из жертв не была изнасилована — то есть убийства носят не сексуальный характер.

— А что, если ритуальный? — выдвинул версию Саня.

— Ты о сатанистах? — нахмурился Дамир. — Недостаточно антуража!